

Научная статья

УДК 347.77

Соотношение правового режима ограничительных мер в сфере интеллектуальной собственности с режимом национализации имущества в отдельных государствах СНГ (на примере Российской Федерации и Республики Беларусь)

Наталья Юрьевна Сергеева

Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия

кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданского и
предпринимательского права

NSkafedra@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3964-7904>

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы соотношения введенного правового режима ограничительных мер в сфере интеллектуальной собственности в Российской Федерации и Республике Беларусь с существующим в указанных странах режимом национализации имущества. Автор перечисляет ключевые ограничительные меры, выявляет их правовую природу с позиции гражданского права, определяет их соотношение с режимом национализации.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, исключительное право, ограничительные меры, санкции, национализация, правовой режим.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР «Зарубежный опыт национализации объектов интеллектуальной собственности в контексте ответных мер санкционной политики» (6-ГЗ-2023).

Для цитирования: Сергеева Н.Ю. Соотношение правового режима ограничительных мер в сфере интеллектуальной собственности с режимом национализации имущества в отдельных государствах СНГ (на примере Российской Федерации и Республики Беларусь) // IP: теория и практика. 2024. № 2.

Original article

Natalia Yu. Sergeeva

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Associate Professor of the Department of Civil and Business Law

PhD in Law

NSkafedra@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3964-7904>

Abstract: In the article examines the relationship between the introduced legal regime of restrictive measures in the field of intellectual property in Russia and the Republic of Belarus with the regime of nationalization of property existing in these countries. The author lists the key restrictive measures, reveals their legal nature from the perspective of civil law, and determines their relationship with the regime of nationalization of property.

Key words: intellectual property, exclusive right, restrictive measures, sanctions, nationalization, legal regime.

Funding: The research was carried out as part of the research project “Foreign experience in the nationalization of intellectual property in the context of response measures to sanctions policy” (6-GZ-2023).

For citation: Sergeeva N.Yu. Correlation of the legal regime of restrictive measures in the field of intellectual property with the regime of nationalization of property in certain CIS countries (using the example of Russia and the Republic of Belarus) // IP: theory and practice. 2024. № 2.

Введение

Интеллектуальная собственность имеет нематериальную природу, что определяет ее максимальную уязвимость в существующей геополитической реальности. Это вынуждает законодателей разных стран вводить новые «правила игры», тем самым защищая национальные интересы государств и их субъектов. В этой связи появляются новые правовые режимы, которыми решается названная глобальная задача. Настоящая статья посвящена вопросу соотношения введенного режима ограничительных мер в сфере интеллектуальной собственности в таких государствах СНГ, как Российская

Федерация (далее – Россия, РФ) и Республика Беларусь (далее – Беларусь), с существующим в них режимом национализации имущества.

Методы

В процессе исследования были применены методы логического и системного анализа, а также сравнительный метод с целью выявления соотношения правового режима ограничительных мер в сфере интеллектуальной собственности с режимом национализации имущества в отдельных государствах СНГ.

Основное исследование

В настоящее время законодательство России и Беларуси, которым введены правовые режимы ограничительных (ответных) мер в сфере интеллектуальной собственности, имеет определенное сходство. С целью продемонстрировать сказанное, обратимся, прежде всего, к законодательству РФ.

Среди ключевых ответных мер можно выделить не столь новую, но актуальную ст. 1360 ГК РФ, которой утверждена возможность использования изобретения, полезной модели или промышленного образца в интересах национальной безопасности, а также утвержденный в ст. 1360.1 ГК РФ порядок принятия решения об использовании изобретения для производства в России лекарственного средства в целях его экспорта без согласия патентообладателя. Далее следует упомянуть методику определения размера компенсации, причитающейся патентообладателю, и порядок ее выплаты¹, а также установленный временный порядок исполнения обязательств перед

¹ Постановление Правительства РФ от 25.05.2022 № 947 «Об использовании изобретения для производства на территории Российской Федерации лекарственного средства в целях его экспорта без согласия патентообладателя».

некоторыми правообладателями² и узаконенный параллельный импорт товаров³ согласно перечню⁴ Минпромторга России.

Таким образом, в настоящее время в РФ действует целый спектр законодательных актов, которыми введен специальный правовой режим, определяющий ответные меры реагирования на недружественные действия правообладателей из-за рубежа.

Что касается Беларуси и введенных в ее законодательство ограничительных мер, то здесь следует выделить два основных действующих в настоящее время нормативных правовых акта: Закон № 241-3 «Об ограничении исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности» (далее – Закон, Закон № 241-3)⁵ и Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 696 «Об использовании отдельных объектов авторского права и смежных прав»⁶, которым утверждено Положение о порядке формирования и ведения перечней правообладателей и организаций по коллективному управлению имущественными правами, а также Положение о вознаграждении за использование аудиовизуальных произведений и передач организаций вещания⁷. Указанными нормативными актами фактически легализована возможность использования отдельных объектов интеллектуальной собственности правообладателей из иностранных государств, совершающих недружественные действия, которые запретили или не дали согласие (разрешение) на их использование на территории Республики Беларусь. Кроме того, Законом № 241-3 также разрешен параллельный импорт товаров.

² Указ Президента РФ от 27.05.2022 № 322 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми правообладателями».

³ Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы».

⁴ Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 19.04.2022 № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия».

⁵ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300241>.

⁶ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22300696>.

⁷ Там же.

Нетрудно заметить, что упомянутое ранее постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» имеет с данными нормативными актами сходное смысловое значение. Более того, еще сравнительно недавно на рассмотрении в Государственной Думе РФ находился проект Федерального закона № 342393-8 «О внесении изменений в статью 18 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части использования исключительных прав на произведения правообладателей без их разрешения)»⁸, который предусматривал практически аналогичные меры тем, которые в настоящее время введены и действуют в Беларуси на основе вышеупомянутого Закона № 241-З. В России, однако, названный проект так и не был принят (отозван разработчиком).

Сказанное позволяет сделать промежуточный вывод о наличии в законодательстве России и Беларуси сходных правовых режимов, которыми введены ограничительные меры в сфере интеллектуальной собственности в качестве ответных мер на недружественные действия зарубежных правообладателей.

Далее возникает следующий вопрос: к какому институту гражданского права можно отнести введенные ограничительные меры?

В настоящее время точно определить правовую природу введенного института с опорой на действующее гражданское законодательство весьма проблематично, поскольку ни под один имеющийся институт гражданского права он в полной мере не подпадает. Все сказанное относится как к законодательству Российской Федерации, так и к законодательству Республики Беларусь.

⁸ URL:<https://sozd.duma.gov.ru/bill/342393-8>.

С целью демонстрации сказанного обратимся, прежде всего, к гражданскому законодательству Российской Федерации, из которого следует, что рассматриваемые меры весьма близки по своей юридической сущности к реторсиям (ст. 1194 ГК РФ). Цель данного института состоит в том, чтобы «достичь такого уровня защиты государством-сувереном интересов своих субъектов, который не был бы ниже степени защищенности интересов субъектов другого государства» [1]. Между тем под реторсиями, согласно упомянутой норме, понимаются ответные ограничения, которые могут быть установлены Правительством Российской Федерации в отношении имущественных и личных неимущественных прав граждан и юридических лиц тех государств, в которых имеются специальные ограничения имущественных и личных неимущественных прав российских граждан и юридических лиц. В случаях же с ответными мерами введенные ограничения установлены целым спектром различных нормативных правовых актов, а сами ограничения введены, как правило, в отношении конкретных субъектов. Следовательно, реторсии и ограничительные меры – не тождественны, несмотря на их очевидное сходство.

В сфере интеллектуальной собственности можно обнаружить как минимум два института, с которыми здесь прослеживается некая правовая параллель. Это институт свободного использования интеллектуальной собственности (п. 5 ст. 1229 ГК РФ) и институт принудительного лицензирования (ст. 1239 ГК РФ).

Так, если мы обратимся к случаям свободного использования интеллектуальной собственности в части четвертой ГК РФ, то увидим, что, согласно п. 5 ст. 1229 ГК РФ, устанавливаются ограничения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, в том числе в случае, когда их использование допускается без согласия правообладателей, но с сохранением за ними права на вознаграждение. При этом в каждом конкретном случае свободного использования существует предел такого использования (конкретные действия, которые можно совершать).

Рассмотрим сказанное на примере случаев свободного использования объектов патентного права (изобретений, полезных моделей или промышленных образцов). К ним, согласно ст. 1359 ГК РФ, относятся следующие действия:

1) применение продукта, в котором использованы изобретение или полезная модель, и применение изделия, в котором использован промышленный образец, в конструкции, во вспомогательном оборудовании либо при эксплуатации транспортных средств (водного, воздушного, автомобильного и железнодорожного транспорта) или космической техники иностранных государств при условии, что эти транспортные средства или эта космическая техника временно или случайно находятся на территории Российской Федерации и указанные продукт или изделие применяются исключительно для нужд транспортных средств или космической техники. Такое действие не признается нарушением исключительного права в отношении транспортных средств или космической техники тех иностранных государств, которые предоставляют такие же права в отношении транспортных средств или космической техники, зарегистрированных в Российской Федерации;

2) проведение научного исследования продукта или способа, в которых использованы изобретение или полезная модель, либо научного исследования изделия, в котором использован промышленный образец, либо проведение эксперимента над такими продуктом, способом или изделием;

3) использование изобретения, полезной модели или промышленного образца при чрезвычайных обстоятельствах (стихийных бедствиях, катастрофах, авариях) с уведомлением о таком использовании патентообладателя в кратчайший срок и с последующей выплатой ему соразмерной компенсации;

4) использование изобретения, полезной модели или промышленного образца для удовлетворения личных, семейных, домашних или иных не

связанных с предпринимательской деятельностью нужд, если целью такого использования не является получение прибыли или дохода;

5) разовое изготовление в аптеках по рецептам врачей лекарственных средств с использованием изобретения;

6) ввоз на территорию Российской Федерации, применение, предложение о продаже, продажа, иное введение в гражданский оборот или хранение для этих целей продукта, в котором использованы изобретение или полезная модель, либо изделия, в котором использован промышленный образец, если этот продукт или это изделие ранее были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации патентообладателем или иным лицом с разрешения патентообладателя либо без его разрешения, но при условии, что такое введение в гражданский оборот было осуществлено правомерно в случаях, установленных ГК РФ.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют пределы свободного использования объектов патентного права, установленные ГК РФ. При этом закон не ограничивает субъектный состав лиц, которые могут совершать данные действия, равно как и не предполагает возможность их расширения. Никакого вознаграждения за такое использование законом не установлено (исключение составляет использование объектов патентного права при чрезвычайных обстоятельствах), равно как и уведомления правообладателя об их совершении, что принципиально отличает данный институт от института ограничительных мер.

И, наконец, если сравнить введенные ограничительные меры с принудительными лицензиями, общие положения о которых содержит ст. 1239 ГК РФ, то и здесь можно обнаружить однозначные отличия.

Так, из приведенной ст. 1239 ГК РФ следует, что в случаях, предусмотренных ГК РФ, суд может по требованию заинтересованного лица принять решение о предоставлении этому лицу на указанных условиях права использования результата интеллектуальной деятельности, исключительное право на который принадлежит другому лицу (принудительная лицензия).

При этом предоставление такой лицензии в России возможно только в отношении объектов патентного права (ст. 1362 ГК РФ) и селекционных достижений (ст. 1423 ГК РФ). Ни о каких иных результатах интеллектуальной деятельности, а также средствах индивидуализации в законе речи нет. Таким образом, с одной стороны, принудительная лицензия – это, безусловно, ограничение исключительного права, осуществляемое против воли правообладателя, когда он «отказывается предоставить лицензию без достаточных оснований либо выдвигает заведомо неприемлемые условия ее предоставления» [2], что говорит об определенном сходстве между принудительной лицензией и ограничительными мерами. Вместе с тем условия, на которых будет использован результат интеллектуальной деятельности (не средство индивидуализации) определяет исключительно суд, что подчеркивает принципиальную разницу между этими институтами гражданского права в России.

Таким образом, можно заключить, что введенные в России ограничительные меры в сфере интеллектуальной собственности в ответ на действия правообладателей из недружественных стран, несмотря на их очевидное сходство с реторсиями, принудительными лицензиями и случаями свободного использования, не относятся ни к одному из перечисленных институтов. Это новый институт гражданского права.

Что касается Республики Беларусь, то применительно к сфере интеллектуальной собственности в данном государстве, как уже было указано ранее, также введен специальный правовой режим ограничительных мер, имеющий сходную с законодательством Российской Федерации правовую природу. Вывод о возможности его рассмотрения в качестве особого института гражданского права уже был ранее сделан А.А. Богустовым, который сравнил его с также действующими в гражданском законодательстве Беларуси институтами реторсий, случаями свободного использования интеллектуальной собственности и принудительными лицензиями и пришел к выводу о том, что введенные в законодательство

данного государства ограничения имеют собственную (непоименованную) в законе правовую природу, предложив их трактовать, как «авторско-правовой институт *sui generis*» [3]. С данным мнением нет оснований не согласиться.

Сделанные выводы определяют следующий вопрос: как соотносится введенный режим ограничительных мер в сфере интеллектуальной собственности с уже имеющим место в гражданском законодательстве России и Беларуси режимом национализации имущества?

С целью найти ответ коротко рассмотрим институт национализации имущества, правовое регулирование которого в законодательстве России и Беларуси практически тождественно. Отметим при этом, что более подробно автор уже анализировала законодательство указанных стран относительно сказанного [4].

В частности, как в ГК РФ, так и в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК РБ), национализация отнесена к основаниям прекращения права собственности (абз. 14 п. 2 ст. 235 ГК РФ, п. 2 ст. 236 ГК РБ). Правовым фундаментом для названных положений являются ст. 35 Конституции РФ и ст. 44 Конституции Республики Беларусь.

При этом под национализацией понимается принудительное обращение в государственную собственность имущества, принадлежащего физическим и юридическим лицам на возмездной основе (то есть, с выплатой компенсации и убытков). Основой этому, как следует из приведенных выше статей ГК РФ и ГК РБ, должен являться специальный закон. До настоящего времени, однако, специального закона о национализации ни в России, ни в Беларуси не принято. В этой связи реализация названных положений о национализации не осуществляется.

Вместе с тем в 2023 г. в Республике Беларусь принят и действует Закон № 240-З «Об изъятии имущества»⁹ (далее – Закон), который рассматривает такое изъятие как некий альтернативный режим и относит его к *иным случаям* прекращения права собственности (подп. 11 п. 2 ст. 236 ГК РБ). Под

⁹ URL:<https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300240>.

объекты, которые могут быть изъяты, подпадают вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права на территории Республики Беларусь, принадлежащие на праве собственности субъектам изъятия – иностранным государствам, совершающим недружественные действия, лицам из иностранных государств, совершающим недружественные действия, а также аффилированным с ними лицам.

Исходя из ст. 3 данного нормативного акта, основанием для изъятия объектов является совершение в отношении Республики Беларусь, ее юридических и (или) физических лиц недружественных действий. Решение о необходимости принятия ответной меры посредством изъятия объектов права собственности принимается Советом Министров Республики Беларусь. При этом изъятые в соответствии с Законом объекты поступают в собственность Республики Беларусь, а денежные средства подлежат перечислению в бюджет. Все права на такое имущество прекращаются на основании решения суда (ст. 7 Закона).

Таким образом, в настоящее время в Республике Беларусь действует нормативный акт, позволяющий принудительно изъять имущество у собственника иным способом. Отметим, что подобный законопроект в Российской Федерации был отклонен еще в 2022 г.¹⁰

Заключение

Для ответа на вышепоставленный вопрос о том, как соотносится введенный режим ограничительных мер в сфере интеллектуальной собственности с режимом национализации имущества, обратимся к гражданскому законодательству названных стран, посвященному интеллектуальной собственности: в России это часть IV ГК РФ (раздел VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации», главы 69–76), а в Республике Беларусь – раздел V

¹⁰Проект федерального закона № 103072-8 «О внесении изменения в статью 235 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и регулировании отдельных правоотношений по принудительному изъятию имущества» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/103072-8>.

«Интеллектуальная собственность» ГК РБ (главы 60–67). При этом отметим, что объектом гражданских прав в России является сама интеллектуальная собственность (ст. 128 ГК РФ), тогда как в Беларуси исключительное право (ст. 128 ГК РБ).

Между тем, несмотря на некоторую терминологическую разницу, подход к разграничению исключительных прав, которые возникают на интеллектуальную собственность, с вещными правами в законодательствах обеих стран весьма однозначен. Так, согласно п. 1 ст. 1227 ГК РФ, интеллектуальные права не зависят от права собственности и иных вещных прав на материальный носитель (вещь), в котором выражены соответствующие результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации. Аналогичный вывод следует из смысла ст. 987 ГК РБ, согласно которому исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации существует независимо от права собственности на материальный объект, в котором они выражены. Следовательно, тем самым законодатель подчеркивает нематериальность объектов интеллектуальной собственности, их отличную от вещей правовую природу.

Таким образом, введенные в законодательство России и Беларуси правовые режимы ограничительных мер в сфере интеллектуальной собственности не имеют прямого соотношения с режимом национализации имущества. Однако их правовая природа, безусловно, имеет определенное сходство, поскольку в обоих случаях речь идет о принудительном ограничении (изъятии) прав (имущества). Что касается Российской Федерации, то представляется, что принудительное использование объектов исключительных прав обладателей из-за рубежа должно иметь место **только в пределах режима специальных ограничительных мер** и носить **временный характер**, а «подходить к подобного рода новеллам в законодательстве следует предельно взвешенно и осторожно» [5]. В противном случае не исключена вероятность того, что существующий

правовой институт интеллектуальной собственности будет обесценен и перестанет быть востребован в принципе, в том числе, и в России, поскольку тот уровень правовой охраны, который в настоящее время достигнут благодаря международным соглашениям, может быть безвозвратно утрачен.

Список литературы

1. Гришаев С.П. Постатейный комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации. – Специально для системы «Гарант», 2018. С. 124.

2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть четвертая: Учебно-практ. коммент. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: Проспект, 2016. С. 70.

3. Богустов А.А. Правовая природа ограничения исключительных прав иностранных лиц на объекты интеллектуальной собственности в условиях санкций (на примере законодательства Республики Беларусь) // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). 2023. № 3. С. 68–82.

4. Сергеева Н.Ю. Применение института национализации имущества к сфере интеллектуальной собственности в отдельных государствах СНГ (на примере Российской Федерации и Республики Беларусь) // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). 2024. № 4. С. 60–79.

5. Сергеева Н.Ю. Правовой режим произведений и проблема беспрецедентных законодательных инициатив в условиях санкций // IP: теория и практика. 2023. № 2. URL: <https://iptp.rgiis.ru/index.php/IPTP/article/view/54>.

References

1. Grishaev S.P. *Postatejnyj kommentarij k chasti tret'ej Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii = Article-by-article commentary to part three of the Civil Code of the Russian Federation.* – Especially for the GARANT system. 2018. P. 124 (in Russ.).
2. *Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii. CHast' chetvertaya = Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part four: Educational and practical work. comment / Ed. A.P. Sergeev. Moscow: Prospekt Publ., 2016. P. 70 (in Russ.).*
3. Bogustov A.A. The legal nature of the restriction of the exclusive rights of foreign persons to intellectual property under sanctions (on the example of the legislation of the Republic of Belarus). *Kopirajt = Copyright (bulletin of the Academy of Intellectual Property)*. 2023. № 3. P. 68–82 (in Russ.).
4. Sergeeva N.Yu. Application of the institution of nationalization of property to the field of intellectual property in certain CIS countries (on the example of the Russian Federation and the Republic of Belarus). *Kopirajt = Copyright (bulletin of the Academy of Intellectual Property)*. 2024. № 4. P. 60–79 (in Russ.).
5. Sergeeva N.Yu. Legal regime of works and the problem of unprecedented legislative initiatives under sanctions. *IP: teoriya i praktika = IP: theory and practice*. 2023. № 2. URL: <https://iptp.rgiis.ru/index.php/IPTP/article/view/54> (in Russ.).

Статья поступила 22.04.2024, принята к публикации: 15.05.2024.

© Сергеева Н.Ю., 2024